

жить признакомъ жизни. Мы ѣли и пили вмѣстѣ съ Нимъ по воскресеніи, говорили о Христѣ Апостолы, желая показать, что они видѣли Его живымъ. И Господь, когда воскресилъ одного мертваго, велѣлъ дать ему ѣсть, чтобы посредствомъ пищи удостовѣрить всѣхъ въ его жизни. Кто начинаетъ употреблять пищу, о томъ безъ малѣйшей несообразности можно заключать, что онъ начинаетъ жить. Но, можетъ быть, кто нибудь скажетъ, что почти все, что приносили Богу и древніе, также можетъ служить пищею человѣку: это были плоды, надъ которыми трудятся земледѣльцы, и животныя изъ числа употребляемыхъ въ пищу. Такъ что же? Все это служило начатками человѣческой жизни? Нѣтъ; въ числѣ этихъ предметовъ нѣтъ ни одного, который бы составлялъ пищу собственно человѣческую: они служатъ пищею и для другихъ животныхъ, одни — для птицъ и травоядныхъ; другіе — для плотоядныхъ. Человѣческою пищею мы называемъ то, что служить отличительною принадлежностію одного человѣка; а между тѣмъ, потребность въ приготовленіи хлѣба для пищи, въ выдѣлываніи вина для питія, свойственна только человѣку. Подъ этимъ самымъ видомъ и приносятся св. дары.

ГЛАВА 4.

Почему нужно было, чтобы эти дары служили начатками человеческой жизни?

Какая же причина, какое основаніе тому, что мы должны приносить эти дары Богу, какъ

начатки жизни? Это потому, что Богъ за эти дары даетъ намъ жизнь. А справедливость требуетъ, чтобы даръ не совершенно разнился отъ воздаянiя, но чтобы имѣлъ съ нимъ какое нибудь сходство; и если послѣднее есть жизнь, то первый также долженъ быть жизнью, въ какомъ бы то ни было смыслѣ, особенно потому, что установитель дара и податель воздаянiя есть одинъ и тотъ же праведный Судiя, всему полагающій вѣсъ и мѣру. Онъ заповѣдалъ приносить хлѣбъ и вино; Онъ же и воздастъ за это хлѣбомъ животнымъ и чашею жизни вѣчнаго. Какъ Апостоламъ за ловитву Онъ воздалъ ловитвою же,—за ловитву рыбъ ловитвою людей; и богатому человѣку, который предложилъ Ему вопросъ о царствѣ, вмѣсто земнаго богатства обѣщаль богатство небесное: такъ точно и здѣсь, только на оборотъ,—посредствомъ чего Онъ имѣлъ дать намъ жизнь вѣчную (я говорю о животворящемъ Его тѣлѣ и крови), то самое заповѣдалъ намъ приносить подъ видомъ того, чѣмъ поддерживается временная жизнь, чтобы жизнь мы получали за жизнь, вѣчную жизнь за временную, чтобы благодать имѣла видъ воздаянiя, чтобы безмѣрная милость заключала въ себѣ и свою мѣру правды,—чтобы исполнилось изреченiе: Я положу свое милосердiе на вѣсы. И такъ бываетъ не только въ этомъ таинствѣ, но и въ таинствѣ крещенiя; мы получаемъ жизнь въ обмѣнъ на жизнь, одну отдаемъ, другую вмѣсто ея принимаемъ. Но отданiе жизни представляетъ, изображаетъ собою смерть, а

возвращеніе къ жизни есть въ собственномъ смыслѣ жизнь. Такъ какъ Спаситель, вкусивъ смерть и воскресши, благоволилъ и насъ сдѣлать причастниками новой своей жизни, то Онъ повелѣлъ намъ, чтобы и мы приносили Ему что-нибудь изъ этого великаго дара. Что же именно? Подражаніе Его смерти. Какимъ образомъ? Сокрывая свое тѣло въ водѣ, какбы въ гробѣ, и сдѣлавъ это три раза. Послѣ этого Онъ принимаетъ насъ уже, какъ участниковъ въ Его смерти и погребеніи, и удостоиваетъ насъ своей новой жизни. И здѣсь точно также.

Глава 5.

Почему полагается не весь хлѣбъ, но вытѣзывается для этого особая часть?

Надобно сдѣлать нѣсколько замѣчаній и касательно того, почему священникъ дѣлаетъ даромъ, предлагаетъ Богу и, возложивъ на престолъ, освящаетъ не просто тѣ самые хлѣбы, какіе будутъ принесены, а тотъ хлѣбъ, который Онъ самъ отъ нихъ изъемлетъ. Это также особенность, принадлежащая приношенію Христову. Другіе дары ихъ владѣльцы отдѣляли отъ однородныхъ съ ними предметовъ, приносили въ храмъ и отдавали въ руки священниковъ, а священники принимали и предлагали ихъ, или приносили въ жертву, или поступали такъ, какъ слѣдовало съ тою или другою изъ принесенныхъ вещей. Но тѣло Христово отдѣлено отъ предметовъ одного съ нимъ рода, при-